

ДВА ЧЕХОВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГИ**Д. РЕЙФИЛДА «ЖИЗНЬ АНТОНА ЧЕХОВА»**

(Рейфилд Дональд. Жизнь Антона Чехова / пер. с англ. О. Макаровой. М.: «Б.С.Г.-Пресс», 2008. 783 с., ил.)

Нам нравятся портреты А.П. Чехова. Они везде, их сложно не увидеть: в учебниках и на обложках маленьких томиков в книжных магазинах. Мы любим смотреть на них. Пенсне, аккуратная борода, умный и тонкий взгляд, стриженные и напомаженные волосы, интеллигентно сложенные руки, чуткость и деликатность в каждой детали. Замечательный образ, замечательный культ личности. Но вот нам на глаза неожиданно попадает другой портрет А.П. Чехова. Странный в своём роде, несвежий и нечёткий. А.П. Чехов с засаленными и всклокоченными волосами на пробор, с разными, прищуренными глазами, с немного растерянной улыбкой, высокий и плотный. Нет, такой писатель нам совсем не известен, сложно даже узнать в этом портрете болезненно-кроткого доктора Чехова. «Неужели Чехов? Не может быть, никогда бы не подумали, очень забавно, он и таким, оказывается, бывал». Да, бывал. Но, несмотря на то что таким А.П. Чехов бывал намного чаще, в нашем сознании подобный образ писателя практически не закреплён. Прецедентная чеховская внешность на обложках дорогих нам книг – это и есть тот Чехов, которого мы знаем, это и есть А.П. Чехов-писатель. Чехова же человека знаем мы мало, можно сказать, даже совсем не знаем. Да и возможно ли или даже нужно ли нам его знать? В этом и есть главный полемический вопрос, и каждый решает и отвечает на поставленный вопрос для себя сам. И эти две сферы на самом-то деле чётко разделены и редко подводимы под один знаменатель. Можно, на мой субъективный взгляд, или написать замечательную книгу о творчестве писателя или замечательную книгу о жизни человека, пусть даже и писателя. Тот, кто задался целью догнать двух зайцев сразу, вряд ли достигнет желаемого результата. Книга о творчестве писателя есть результат труда литературоведа, книга о жизни писателя – труда биографа. Желаемый итог, безусловно, один и для того и другого: явить нам Чехова, явить нам его суть. Но явить нам эту суть необходимо и должно постараться, всё же не проникая во владения друг друга.

Попытка подменить одно другим зачастую на практике приводит к плачевным и немного призрачным результатам, когда творческое полностью поглощает жизненное, которое растворяется во всех этих пресловутых «дарах божьих», «гениях» и «чудесах рождения литературы».

***

Книга Дональда Рейфилда «Жизнь Антона Чехова» вышла более десяти лет назад и на Западе была встречена по-особенному положительно. Тогда ещё живой и здоровый Артур Миллер отметил, что в этой книге А.П. Чехов впервые выходит из «сумерек традиционных трактовок его личности и творчества и предстает перед нами живым человеком, прожившим сложную и порой бурную жизнь». Слова эти тут же лозунгом разлетелась по всем интернет-магазинам и влиятельным издательствам, переписываясь, перепечатываясь и зазубриваясь.

У нас же в России книгу, переведённую лишь почти десятилетие спустя, в 2005 г., встретили не очень дружелюбно и весьма критично. И во многом достаточно справедливо.

Во-первых, Д. Рейфилд совсем не литературовед, и потому его слабые, хотя и редкие, потуги анализа чеховских текстов иногда вызывают лишь улыбку и некоторое недоумение. Так, например, подводя итог своим рассуждениям о «Вишнёвом саде», Д. Рейфилд решает на следующий вывод: в финальных аккордах последнего действия «старшее поколение сохраняет свой авторитет, а у молодых рушатся планы и надежды». Или вот сложно всё-таки согласиться, что тема лжесвидетельства имеет какое-либо вообще отношение к рассказу «Человек в футляре». Всё это как раз к разговору о двух зайцах. Причём Д. Рейфилд изначально определил цель своей работы как написание именно биографии А.П. Чехова, но так ведь сложно отказать себе в удовольствии поразмышлять и принять на себя роль толкователя и интерпретатора.

Во-вторых, Д. Рейфила наши критики, литературоведы и чеховеды обвинили в абсолютном и в просто катастрофическом непонимании чеховского юмора, чеховской артистичности и чеховского умения подстраиваться и подстраивать под себя тех, кто обращается к нему или к кому обращено его высказывание. И тут сложно не согласиться. Ибо Д. Рейфилд принимает за чистую монету практически любую, быть может, даже самую пошловатую шутку. Да, это немного вредит А.П. Чехову и немного лжесвидетельствует нам на него. Но ведь у каждого из нас есть голова на плечах. Более того, для нас, как для читателей, в данном случае главным оказывается не личная трактовка событий биографом, а само наличие данного факта в жизни Чехова. Выводы каждым, в любом случае, будут сделаны в зависимости от собственной испорченности и собственной заинтересованности в предмете.

И, наконец, третье, и главное обвинение, которое было предъявлено Д. Рейфилду передовыми отечественными читателями (среди них оказались такие известные личности – писатели и литературоведы, как Виктор Ерофеев, А. Турков, С. Гедройц), заключалось в том, что биограф утопил в клоаке повседневности и пошлости чеховский гений, нагрузил текст бессмысленной и ненужной информацией, не относящейся ни к жизни самого А.П. Чехова, ни к его творчеству, сведя последнее к следующей взаимосвязи: Чехов знакомится то с одной, то с другой барышней, и это определяет те или иные изменения в его поэтике. Допустим, что изменения в поэтике – это уже преувеличения, сделанные русским читателем, по большей части Д.П. Рейфилду до этого было мало дела. Автор книги сам как-то в одном из радиointервью объяснился по поводу своего отношения к подобным вопросам: «Я думаю, что личные, нравственные качества и гений существуют отдельно, сами по себе».

И вот тут-то мы и подбираемся к главному, вот тут-то и таится главный ответ и, как кажется, главный аргумент в пользу английского биографа. Д. Рейфилду, в общем-то, совсем не нужен чеховский творческий гений, биографа отчего-то совсем не интересует его внутренняя суть. Но ему интересна суть Чехова-человека, ему кажется важным и наиболее занимательным человеческий гений, его интересует феномен личности Чехова-человека: человека-

джентльмена, воспитанного плебеем, окружённого пошлостью, дешёвкой. Сначала Чехов её просто не осознаёт. Потом начинает страдать и покрываться тонким слоем холодного льда. Потом избавляться. С женщинами и в творчестве происходит то же самое. Вот вам и феномен Чехова-человека, вот вам и «кот из нужника». Не случайно всё-таки Д. Рейфилд столько внимания уделяет этой истории с котом, которого братья Чеховы отмыли и приволокли домой. И не случайно именно слова Антона Чехова: «Кто бы мог ожидать, что из нужника выйдет такой гений» – поставлены Д. Рейфилдом эпиграфом к первой главе книги.

Для того, кто сумеет вслед за биографом прочувствовать такого Чехова-человека, больше не будет ничего пугающего ни в одной пошлой подробности, уничтожающей елейный и праведный образ Чехова-писателя. Но ведь можно рассказать нам о Чехове-человеке и не привлекая столь глупые и бессмысленные подробности. Конечно, можно. Правда, мы все прекрасно понимаем, что даже если о чём-то не говорить, то это что-то не перестанет существовать. Д. Рейфилд не посчитал нужным промолчать. Всем, кто желает последовать за ним, вход открыт, всем, кто желает выйти из очереди, можно посоветовать утешиться Б. Зайцевым. Гораздо сложнее не растоптать, не уничтожить и не забросать грязью сам стержень, сам нерв чеховской личности. Вот что самое важное для любого биографа или для того, кто желает таковым назваться. И Д. Рейфилд, на мой скромный взгляд, несмотря на множество нюансов, ошибок и помарок, о которых было сказано выше, с этой задачей справился на «отлично».

И последнее. Нет и никогда не будет книги о А.П. Чехове, как и о другом авторе, которая сможет раскрыть нам творческую суть его поэтической личности в её динамике и глубине. Это могут сделать художественные тексты, да и они могут это сделать не всегда и не для всех. Можем ли мы поэтому требовать подобное от биографа? Вряд ли. И посему давайте оставим все обвинения данной книги в субъективности и в чрезмерной отдалённости от «настоящего Чехова». Д. Рейфилд, англичанин, написал отличную в своём роде книгу; книгу, заполнившую ту пустовавшую нишу, что доселе ещё существовала у нас. Заполнила ли она собой последнюю пустовавшую ячейку? Отнюдь. Пустота бесконечна. Главное, чтобы у нас нашлось, чем её заполнить.

Г.Х. Терехова